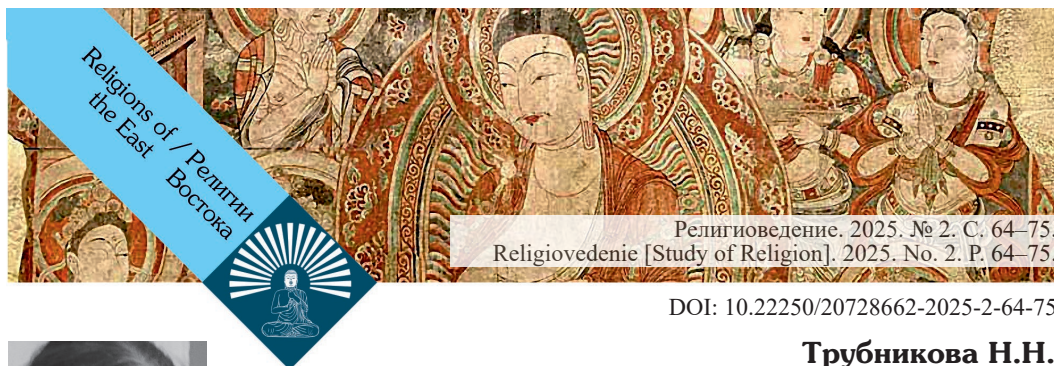

DOI: 10.22250/20728662-2025-2-64-75

Трубникова Н.Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82
trubnikovann@mail.ru

К истории синтоизма: раздел о богах в «Собрании примечательных рассказов»

Аннотация. Рассказы о богах *ками* в японских сборниках поучительных рассказов *сэцува* интересны не только с той точки зрения, какие представления о *ками* бытуют в этой традиции, но и с той, насколько и как именно эти представления систематизированы. По сборникам можно судить о знакомстве литераторов с учениями о богах, о распространении синтоизма как совокупности жреческих или монашеских теоретических построений. В «Собрании примечательных рассказов из прежних и нынешних времён» («*Кокон тё:мондзю:*», XIII в.) рассказы о богах выделены в самостоятельный раздел. Их темы – связь людей с богами, качества и действия человека, привлекающие богов на помощь людям, участие богов в судьбе всей страны. Источниками послужили, вероятно, наставления для паломников святилищ Исэ и Ивасимидзу, а также предания святилищ старой и новой столиц (Киото и Нара), горы Хиэй, гор Кумано, нескольких провинциальных святилищ. Основные сюжетов здесь три, они могут совмещаться: боги открывают людям некие знания в вешем сне или через одержимых; боги являют гнев и милость, причём более всего ценят в людях милосердие, а гневается из-за насилия над слабыми; боги откликаются на молитвы и на песни *вака* или помогают своим любимцам даже и без молитв. Обряд выглядит как установленный издревле и при этом изменяемый применительно к случаю; поучительная составляющая рассказа как раз и состоит в том, чтобы дать пример удачного или неудачного выбора в обрядовых действиях.

Ключевые слова: синтоизм, буддизм, традиция поучительных рассказов *сэцува*, Татибана Нарисуэ, «*Кокон тё:мондзю:*»

Nadezhda N. Trubnikova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russia
trubnikovann@mail.ru

To the History of Shinto: The Section on Kami Deities in *Kokon Chomonju*

Abstract. Tales about the *kami* deities in Japanese collections of didactic *setsuwa* tales are interesting not only from the point of view of ideas about *kami* that exist in this tradition, but also from the way and extent to which these ideas are systematized. Collections can be used to access the familiarity of writers with the teachings about the deities and the spread of Shinto as a set of priesthood or monastic theoretical constructs. In the *Kokon Chomonju* (13th century), tales about *kami* are singled out in a separate section. Their themes include the connection between humans and deities, human qualities and actions that attract *kami* to help humans, and participation of *kami* in the fate of the whole country. The sources were probably instructions for pilgrims to the Ise and Iwashimizu shrines as well as the legends about the shrines at the old and new capitals (Kyoto and Nara), Mount Hiei and Kumano Mountains, and several provincial temples. There are three main plot lines here. They can be combined. 1. *Kami* reveal certain knowledge to humans in a prophetic dream or through possession. 2. *Kami* show anger and mercy. They value mercy in humans most of all, and become angry at violence against the weak. 3. *Kami* respond to prayers and *waka* songs or help chosen ones even without prayer. Ritual seem to have been established since ancient times, but they also changeable depending on the situation. The didactic component of a tale is to give an example of successful or unsuccessful choices in ritual action.

Key words: Shinto, Buddhism, *setsuwa* tradition, Tachibana Narisue, *Kokon Chomonju*

Введение

Исследуя почитание богов *ками* в древности и средневековье, историки религий Японии одну из главных трудностей часто видят в разрозненности источников. Если под синтоизмом понимать учения о богах, выстроенные по образцам буддийских, даосских и других теорий, то пока его традиции ещё только складываются, то есть до конца XII в., эта разрозненность особенно заметна. Как связать воедино повествование о «веке богов» из древних летописей, предписания законодательных сводов и обрядовых уложений, документы по конкретным обрядам, сообщения из дневников, эпизоды из придворных и воинских повестей, стихи из антологий и другие тексты, где заходит речь о богах, – и при этом остаться в пределах самих этих текстов, не считывая в них той связности, которая выстраивается в более поздних синтоистских трактатах? Решению этой задачи, как ни странно, помогает включение ещё одной группы источников, а именно поучительных рассказов в жанре 説話, *сэцува*. Дело в том, что сборники рассказов сами по себе внутренне разнородны, берут материал отовсюду, и если не выстраивают единой системы, то хотя бы показывают, что с чем сочетается и каким способом.

Уже самый первый рассказ в первом сборнике *сэцува*, «Японских легендах о чудесах» (рубеж VIII–IX вв.)¹, описывает встречу человека с божеством: монах умирят буйного бога-громовника, и из разрушителя тот становится защитником буддийского храма. Затем истории о божествах *ками* появляются почти во всех сборниках *сэцува*, но в самостоятельный раздел выделяются далеко не сразу. Самое крупное «Собрание стародавних повестей» (1120-е гг.)², куда вошли истории из жизни индийцев, китайцев и японцев, от времён Будды до недавних дней, упоминает *ками* в разнообразных контекстах, не отделяя их от богов, населяющих Индию и другие страны (но отличая от небесных богов *тэн*). В «Беседах о делах старины» (1212–1215 гг.)³ есть раздел «Храмы и святилища» 寺社, «Дзися», где речь идёт о совместном почитании будд и богов в особенно чтимых святых местах Японии. В этих памятниках, как и в других книгах традиции *сэцува*, можно найти много преданий о встречах людей с богами, но тема эта пока не становится главной. «Родные боги» и буддийские почитаемые существа несомненно различаются (иначе не имел бы смысла частый сюжет – выяснение того, кто из будд или бодхисаттв «воплотился» в котором из *ками*), буддийский храм и святилище богов – это разные сооружения и разные учреждения (хотя общины их состоят из одних и тех же людей), единство синто и буддизма повествователи мыслят как данность – но видят и вопросы, следующие из соединения этих двух путей.

Книга рассказов *сэцува*, где раздел о богах появляется, насколько я знаю, впервые, причём стоит на почётном месте в самом начале, – это «Собрание примечательных рассказов из прежних и нынешних времён» (古今著聞集, «Кокон тё: мондзю:», 1254 г., далее «Тё:мондзю:») [Татибана, 2019]. Позже, в 1280-х, «Собрание песка и камней»⁴ тоже будет открываться большим разделом о «родных богах». А в XIV в. «Собрание Пути богов»⁵ уже целиком будет посвящено теме почитания *ками*.

Мне хотелось бы разобрать рассказы из первого раздела «Тё:мондзю:», сопоставляя его с другими сборниками. Книга датируется временем, когда в Японии относительно прочно установилось двоевластие: двор во главе с государем в столице (Киото) и ставка военного правительства во главе с сёгуном в Камакуре. Перед тем, в смутах второй половины XII в., пострадали и храмы, и святилища; теперь буддийским монахам и жрецам синто приходится действовать в новых условиях, по-новому излагать свои наставления [Трубникова, Бабкова, 2014].

За пределами Японии «Тё:мондзю:» до сих пор изучается сравнительно мало; я знаю только одну работу [Dykstra 1992], где рассмотрен памятник в целом. Ссылки на отдельные рассказы встречаются в японоведческих исследованиях на разные темы, в том числе и в работах по синто. К «Тё:мондзю:», например, обращается Нелли Науманн, обсуждая понимание чуда в средневековой традиции синто [Naumann, 1994, 108–114]. Как и в случае с другими сводами *сэцува*, рассматривать рассказ или даже серию рассказов на ту или иную тему здесь нужно с учётом контекста всего сборника: вне контекста невозможно понять не только точку зрения рассказчика, но и суть излагаемых событий.

Составитель «*Тё:мондзю:*» Татибана-но Нарисуэ 橘成季 (ум. ок. 1272 г.) принадлежал к старой столичной знати, высоких должностей не занимал, известен был как книжник (род Татибана вообще славился учёностью), являлся ценителем поэзии и музыки, а также наездником и знатоком всего связанного с лошадьми, что сближало придворного с новой воинской знатью. В предисловии к книге Нарисуэ называет двух предшественников, чьи труды хотел бы по мере сил продолжить: это Минамото-но Такакуни 源隆国 (1004–1077) и Ооэ-но Масафуса 大江匡房 (1041–1111). Такакуни, как считается, задумал, а может быть, частично и составил «Собрание стародавних повестей». Масафусе принадлежат несколько тематических сборников – о буддийских подвижниках, достигших возрождения в Чистой земле, о «бессмертных» в даосском смысле слова и др. Но куда шире стали известны «Записи бесед Ооэ»⁶, где Масафуса рассуждает о придворных обыкновениях, интригах и многом другом, что полезно знать чиновнику. Равняясь на примеры Такакуни и Масафусы, Нарисуэ создаёт большое собрание (свыше 700 эпизодов), распределяя материал по темам: «Боги небесные и земные» (神祇, «*Дзинги*»), «Учение Будды», «Путь управления» и т.д.; есть разделы о поэзии, музыке и иных искусствах, стрельбе из лука, верховой езде и прочих навыках воина, о любви, об азартных играх, еде и напитках, растениях и животных. Примерно две трети рассказов «*Тё:мондзю:*» описывают события не времён сёгуната, а предыдущей эпохи Хэйан (IX–XII вв.), причём каждый раздел «имеет свою систему отсчёта времени» [Свиридов, 1981, 45], каждая из обсуждаемых областей жизни обладает собственной «историей», достоверной и/или легендарной.

О богах Нарисуэ говорит во многих разделах. Например, раздел о животных начинается с рассказа о мятежнике Фудзивара-но Хироцугу (ум. 740), который ездил на чудо-коне, а после смерти его стали чтить как бога недалеко от места его гибели. В разделе о поэзии есть несколько историй о том, как «родными песнями» 和歌, *вака*, люди призывали богов на помощь. Похожие сюжеты встречаются и в других текстах традиции *сэцува*, например, в «Сборнике наставлений в десяти разделах»⁷. Какие же истории Нарисуэ отбирает для раздела именно о богах?

История и география синто

В каждом разделе «*Тё:мондзю:*» первый эпизод служит введением для следующей за ним подборки рассказов. Вот что сказано во введении к разделу о богах (1–1):

Небо и земля ещё не разделились, в первичном хаосе подобны птичьему яйцу. Чистое в нём распространяется, становится Небом, мутное тонет, отстаивается и становится Землей.

Тогда между Небом и Землей является нечто. Облик его подобен ростку тростника. И вот – превращается, становится божеством. Это Куни-но Токотати-но микото. И затем являются семь поколений небесных богов и пять поколений земных богов.

А с государя Дзимму, сына Уконаги-сатакэ-укаяфукиавасэдзу-но микото, начинается век людей. В пору его правления в девятом месяце года Старшей Земли и Мыши, впервые были принесены подношения всем богам.

В шестой год правления десятого государя, Судзина, Великую богиню Аматаэрасу почтили в селении Касануи. В седьмой же год были учреждены святилища небесные, святилища поземельные, места почитания всех богов во всех краях страны. С тех пор мир управлялся как должно, народ процветал.

В третьем месяце двадцать пятого года правления одиннадцатого государя, Суйнина, следуя наставлению богини Аматаэрасу-оомиками, стали чтить её в краю Исэ в верховьях реки Исудзу, вторая дочь государя, царевна Ямато-химэ, стала жрицей богини.

Итак, наша держава – страна богов. Путь богов великих и малых, земных и небесных, их потомства, их спутников и тех, кто принимает условные обличья, здесь таков, что всюду они откликаются на молитвы. Рассказывают, что когда государыня Дзингу усмирляла три царства Кореи, на-

ши боги, небесные и земные, являлись тоже! Поэтому, полные благодарности, люди установили обряды для богов двадцати двух святилищ, стали чтить всех защитников ста государей, ста поколений. От Сына Неба и до простых людей – нет никого, кто бы не глядел с почтением на светлые силы богов!

При государе Камму в четвёртый день пятого месяца первого года Энряку [782 г.] в святилище Уса дано было откровение:

– В неизмеримых калыпах я рождаюсь-превращаюсь в трёх мирах, применяю уловки, веду за собой всех живых. Имя же мое – Великий Свободный Царь-Бодхисаттва!

Как дороги эти слова, как трогают сердце!

Здесь предельно кратко изложена история «страны богов» 神国, *синкоку*, от появления древнейших божеств и далее, минуя создание Японских островов, сразу к началу династии правителей (первый из них – Дзимму) и к основным этапам учреждения государственной обрядности. В основном Нарисуэ здесь следует той традиции, которая к началу XIV в. будет выстроена в святилище Исэ; см.: [Трубникова, Бабкова, 2014]. Книги этой традиции, в том числе «Житие Ямато-химэ»⁸, точно датировать трудно; вероятнее, что составитель «Тё:мондзю:» был знаком не с ними, а с устным изложением основ их учения для паломников, посещавших Исэ. Другая традиция, отражённая здесь, развивалась в святилище Ивасимидзу близ столицы, где почитается бог Хатиман – он же древний государь О:дзин, 15-й после Дзимму, он же Великий Свободный Царь-Бодхисаттва 大自在王菩薩, Дайдзидзайо:-босацу. Почитание его в Уса и Ивасимидзу, как считается, едино, оба святилища славятся «откровениями» 託宣, *такусэн*; см.: [Дулина, 2018]. Речение бога для Нарисуэ – достаточное обоснование единства синто и буддизма, тогда как в «Сясэкисю:» и «Синто:сю:» эта тема будет обсуждаться более подробно.

Нарисуэ перечисляет разновидности богов: «великие и малые, земные и небесные» 大小祇神, *дайсё:гидзин*, а также их «потомство» 部類, *буруй*, «спутники» 眷属, *кэндзоку*, и «условные обличья» 権化, *гонгэн*. Три последних категории в Новое время и позже к синтоизму как таковому не относят. *Гонгэн* – это божества горных культов объединяемых под названием «путь упражнений и испытаний» 修験者, *сюгэндо:*. Коль скоро это «условные обличья» будд и бодхисаттв, а также небожителей *тэн*, к ним легко применимы буддийские термины: «потомство» богов обычно появляется в буддийских преданиях, «спутники» бывают не только у богов *тэн*, но и у будд и других существ, чтимых в буддизме. Как мы увидим ниже, для Нарисуэ *гонгэн* и соотносимые с ними божества встраиваются в тот же ряд, что и «собственно японские» *ками*.

22 святилища, которые упоминает Нарисуэ, к концу эпохи Хэйан продолжали получать регулярные подношения от государева двора, тогда как поддержка многих других святилищ прекратилась. Почти все 22 святых места находятся поблизости от столицы или от города Нара. Из них далее в рассказах говорится о двенадцати: это Исэ и Ивасимидзу, главное столичное святилище Камо, Фусими Инари в столице, Касуга в Нара, Сумиёси в гавани Нанива, а также Хиёси на горе Хиэй близ столицы, Ёсида, Хирота, Китано, Ниу-каваками и Кибунэ в столичной округе. Чаше прочих действие происходит в Камо (в шести рассказах). За рамками повествования в «Тё:мондзю:» остались древние святилища в окрестностях Нара (Исоноками, Оомива и др.) и некоторые столичные, например, Мацуноо. Упоминаются Найсидокоро во дворце (где хранится зеркало богини Аматаэрасу); провинциальные святилища (в краях Аки, Кадзуса, Сэтцу, Суо); святилища на горе Хиэй кроме Хиёси (Синра-мё:дзин, Дзю:дзэндзи) и в горах Кумано, а также храм Конфуция в столице (на первый взгляд, он выбивается из ряда святилищ, но, как мы увидим, он здесь уместен).

Примерно в трети рассказов действуют монахи, в остальных – миряне, по большей части чиновники, но также и простолюдины. Посредничество жреца в делах, связанных с богами, ценно, но не обязательно; служители святилищ появляются далеко не в каждом рассказе. Запрет на всё, связанное с буддизмом, действующий в святилищах Исэ и Камо, в «Тё:мондзю:» не упоминается вовсе, тогда как в «Сясэкисю:» ему отведён рассказ, открывающий книгу (I–I).

Откровения богов

Сразу за введением Нарисуэ помещает историю священного зеркала (1–2): его богиня Аматаэрасу вручила своему потомку, напутствуя его на землю, и с тех пор оно хранится во дворце государей. Рассказчик обсуждает случаи, когда зеркалу грозила опасность при пожарах. В X в. оно чудом выходило из огня невредимым; позже, в XI в., пострадало. «Порча мира видна по тому, что происходит с божественным зеркалом. Боги всегда таковы, как есть, отчего бы им меняться? И всё же они указывают нам, что мир клонится к упадку». Отметим здесь неоднозначную отсылку к буддийскому учению об упадке мироздания в «последнем веке»: с одной стороны, богам упадок не грозит, с другой – боги поддерживают Будду, зримо подкрепляя его наставления чудесами.

Следующие четыре рассказа сообщают, как божества открывали людям знания, важные и для обустройства обрядов, и для понимания того, чего хотят боги вообще.

В 930 г. монах во дворце читает сутры праджня-парамиты и слышит сначала чьи-то тяжёлые шаги, а потом лёгкие. Первый пришелец был злым духом, – сообщает женским голосом божество Инари и говорит, что чтение «Большой сутры» явило чудо, а чтение «Алмазной сутры» не явило. Почему так – божество велит искать ответ в «Большой сутре»; каков этот ответ, Нарисуэ не сообщает (1–3).

Когда в IX в. монах Энтин, один из основателей буддийских храмов на горе Хиэй, после долгого путешествия по Китаю возвращается домой; бог Синра-мё:дзин, сын морского царя-дракона, защищает его в морском пути, а затем решает обосноваться в Японии. Позже, в 1052 г., этот бог открывает другому монаху свой тогдашний замысел – хранить в Японии Закон Будды – излагая его в японской песне *вака* (1–4).

Когда Энтин в Японии переписывает «Лотосовую сутру», ему в образе старика является бог Сумиёси и говорит, что защищает и дворец государей, и эту сутру. Затем рассказчик приводит откровение Сумиёси – сообщение о том, что он по природе своей бодхисаттва, и повеление построить буддийский храм на побережье в Нанива (1–5).

В 982 г. в храме Анракудзи на острове Кюсю чиновник из рода Сугавара, занявший должность заместителя наместника, решает возвести пагоду; бог Китано-тэндзин (он же Сугавара-но Митидзанэ, знаменитый поэт и государственный муж начала X в., умерший в опале на Кюсю, потом, по преданиям, являвшийся в обличье гневного духа, а потом обожествлённый) вещает, что его потомок действует правильно. Чиновник позже входит в Госсовет, а после смерти становится божеством, как и предок (1–6).

Итак, божества радуют о Законе Будды и помогают людям на буддийском пути. В этом отношении разницы между богами древних святилищ, таких как Сумиёси, и новых, таких как Китано, между божествами японскими и иноземными, кажется, нет.

На рубеже X–XI вв. столичный чиновник желает устроить большие чтения «Лотосовой сутры», но ему не хватает средств. Он молится в святилище Хиёси и получает должность наместника края Кадзуса, теперь он богат. Чтения начинаются, бог Дзю:дзэндзи (иноземный, как и Синра-мё:дзин) является наместнику, восхваляет его и двумя песнями *вака* излагает важнейшие положения «Лотосовой сутры»: её подвижник – «учитель будд и богов»; всё, что нужно для освобождения, есть в собственном сердце человека (1–7). Этот же рассказ есть в «Кондзяку» (17–32), но вместо Дзю:дзэндзи в нём действует бодхисаттва Дзидзо: (Кшитигарбха), он произносит те же самые песни. Подобная взаимозаменяемость богов и бодхисаттв – случай несчастный, но возможный.

Гнев и милость богов

Боги дают людям наставления не только вещая, но и являя грозные знамения, насылая «порчу» 祟, *татари*. В 1038 г. при очередной распри монахов горы Хиэй и храма Миидэра (такие распри были часты в эпохи Хэйан и Камакура, не раз дело доходило до побоищ) мирские власти бездействуют – и государь заболевает. Бог Санно: из святилища Хиёси сообщает, что правителю следует самому разрешить спор монахов; после этого недуг проходит (1–8).

В 1039 г. Исэ при перестройке святилища являются необычные знамения (какие, Нарисуэ не говорит), государь отзывает своего посланца из Исэ и отправляет его в ссылку, но божества сообщают: так делать не следовало; посланца возвращают (1–9).

В 1070 г. богиня главного святилища края Кадзуса (морская, позднее отождествлённая с матерью государя Дзимму) возвещает, что недавно родила дочь; из моря является ещё одно «тело божества», подобное жемчужине, и богиню-дочь начинают чтить вместе с богиней-матерью (1–10).

В начале 1070-х гг. или в конце 1060-х в краю Сэтцу неправильно собирают подати. Морская богиня тамошнего святилища гневается, корабли с грузом податей тонут у берега, а на берегу засыхают деревья; местный жрец увещевает богов, и деревья оживают (1–11).

В столичной Школе чиновников, где изучается в основном классическая китайская словесность, принято было справлять обряд почитания Конфуция и наставников; в качестве дара ученики преподносили мясо (по сути, воспроизводили древний китайский ритуал жертвоприношения предку). Но вот одному из них (неясно, когда) во сне является Конфуций и говорит: «В родной моей стране так поступают, но с тех пор, как я прибыл в эту державу, ко мне приходят и поклоняются мне так же, как Великим святилищам [Исэ]. Скверную пищу мне подносить не следует!» – то есть отказывается от мяса, ибо всё, что имеет касательство к смерти и крови, по меркам японских святилищ есть скверна (1–12).

Обратим внимание на то, что гнев богов и «порча» в этих рассказах связаны с тем, что люди ведут себя немилосердно, тогда как боги последовательно стоят за соблюдение заветов Будды. Если о своих пожеланиях и нуждах боги сообщают в «откровениях», то когда вмешиваются в отношения между людьми, то могут насыщать и «порчу».

В начале XII в. канцлер Фудзивара-но Тададзанэ попадает в немилость, молится богам Касуга (родового святилища Фудзивара в Нара), и устами его супруги боги говорят: «Твоя пора наступит снова!». Вскоре государь и канцлер примиряются (1–13).

В 1118 г. сын Главного министра Минамото-но Масадзанэ мешкает, исполняя поручение государя – доставить послание в Исэ; отец говорит, что этот его отпрыск ему не унаследует, и, действительно, сын умирает прежде отца (1–14).

В 1122 г. в краю Суо распространяется весть, что там поселилось новое божество. Наместник берёт под стражу жреца и велит собирать урожай с «божьих» полей в пользу наместничества; возле святилища являются сначала многочисленные змеи, а затем огромная стая птиц (1–15).

В 1120-е гг. почитатель богов Камо Минамото-но Ясусуэ опаздывает к обряду из-за разлива реки Камо – и двери святилища не отворяются, пока он не прибудет. У Ясусуэ родится множество сыновей, внуков и правнуков, всех их ждёт неплохая карьера (1–16).

В 1139 г. Минамото-но Мороёри, книжник и поэт, назначен отвечать за моления о дожде в святилищах Ниу-Каваками и Кибунэ; когда секретаря не оказывается на месте, Мороёри сам сочиняет «указ» 宣命, *сэммё*:⁹, и дождь начинается. В рассказе приведён текст указа, импровизация на темы прежних *сэммё*: (1–17):

Таково веление государя: в великом трепете пред вами, о великие боги, мы со всей осмотрительностью молвим вот что.

Весною нынешнего года, в пору начала полевых работ, мы молили вас о том, чтобы дожди были обильны и вслед за ними год был урожайным. Под вашей защитой, о светлые боги, мы ожидали, что земля даст дружные всходы, но все эти месяцы стоит затяжная сухая облачность, благодатного дождя вы не пролили, сто злаков постепенно засыхают, десятидесятный народ должен страдать. Вы, великие боги, оставили свои следы в Присолнечной стране, люди передают слово чудесное, имя ваше: Податели дождя из пещер. Потому я и пришёл: хочу, чтобы вы, великие боги, вашу беспредельную тайную мощь обратили нам на помощь, пригнали тучи со знаменитых гор, с великих

болот, пролили дождь, чтобы выгоревшая земля напиталась влагой – такую милость мы бы получили; чтобы иссохшие поля дали урожай – такого блага мы бы удостоились! Поэтому, выбрав счастливый день, удачный час, я назначил посланца – вот его должность, чин, прозвание и имя, – вручил ему жезл с полосками белой бумаги, доверил ему вороного коня и отправил к вам. В великом трепете, о великие боги, прошу: выслушайте этот моление мирно и спокойно, и пусть жара тотчас пойдет на убыль, живительная влага выпадет повсюду, поля и сады пышно зазеленеют, простой люд насладится урожаем!

Со всею осмотрительностью молю: да не колеблется держава государства, да пребудет вечной, как скалы, крепкой, как скалы! Храните её ночью, храните днём, защищайте и благодетельствуйте, страну Обильной пищи под небом всегда и во всем храните и милуйте!

Здесь перед нами пример того, как внутри рассказа *сэцува* может быть включён обрядовый текст¹⁰.

В том же 1139 г. в храм Кофукудзи в городе Нара назначен новый распорядитель, братия не принимает его, между воинами храма и охраной распорядителя завязывается бой. Распорядитель велит поджечь храм, но начинается дождь и пожара не случается. Над святилищем Касуга сияет чудесный свет, некто видит во сне воинов храма в обличье оленей (вестников богов Касуга), а жрец святилища опять-таки во сне видит большой конный отряд, пришедший на подмогу храмовым пехотинцам. Жрец спрашивает, кто они, всадники отвечают: «Мы служим в войске Великого Светлого бога Касуга, наш отряд прислал сюда господин Фудзи, вступивший на Путь!». Один из сановников записывает в дневнике: неужто «господин Фудзи» – это сам господин Мидо:? (то есть Фудзивара-но Митинага, живший на рубеже X–XI вв., тот, при ком могущество рода Фудзивара было наивысшим). Здесь боги выбирают одну из сторон в распре между людьми (1–18).

Сановник Фудзивара-но Санэёси в первой половине XII в. совершает модное тогда паломничество в горы Кумано; его сопровождает большая свита, часть людей он с дороги отсылает обратно, но один свитский просит дозволения остаться с ним и в благодарность за это по пути на стоянках носит воду для омовения всем своим спутникам. Паломники прибывают в Кумано; Санэёси очень собой гордится, ведь он прошёл долгий путь пешком, но божество в образе монаха говорит ему во сне: сюда все ходят пешком, а вот кто меня порадовал – так это тот человек, кто вам всем по пути устраивал омовения (1–19). Видимо, когда человек помогает другим поддерживать чистоту, он богам особенно любезен.

Фудзивара-но Санэнага (1139–1192) ни на одном из этапов своей карьеры не доволен, все время досадует, что его обошли, недооценили и т.д. Он молится сначала в Хиёси, потом в Ицукусиме, рассказчик подробно описывает череду назначений, так что остаётся непонятным, кому боги явили милость: Санэсаде – или же тем, кто продвигался на более высокие должности, освобождая место для него (1–20).

Боги в эпоху смут

В 1166 г. в святилище Камо сначала прихожанка, а потом жрец видят сон: «Управление поднебесной беззаконно, и потому великие светлые боги Камо покидают Присолнечную страну [Японию], перебираются в другое место». Гадатели подтверждают, что сон верен (1–21). Здесь, как и в следующем рассказе, речь идёт уже о времени смуты, которая закончатся установлением сёгуната.

В 1180 г. государь Такакура-ин собственноручно пишет моление богам Ицукусимы (1–22). В то время к святилищу Ицукусима в краю Аки обращались многие, коль скоро его особенно чтит род Тайра – ненадолго поднявшийся до высшей власти, а затем проигравший в усобице роду Минамото. Правда, политических мотивов при выборе обрядового поведения рассказчик не обсуждает.

Вместо этого Нарисуэ переходит к вопросу, несправдному и для святилищ, и для буддийских храмов: почему одним людям боги и будды помогают, а другим нет. Монах храма Кофукудзи (неясно, какого времени) не продвинулся в чинах, а потому страдает от бедности. Он молится в Касуга, потом в Ивасимидзу, и во сне видит, как

бог Касуга просит Хатимана: «Этот монах много лет полагался на меня, утром и вечером служил мне. Но в нынешней жизни он непременно выйдет из круговорота рождений и смертей, и я опасаясь: а что ежели он возгордится земным успехом? Поэтому и обращаюсь к тебе: прошу, не соглашайся на его мольбы!» (1–23). То, что кажется немилостью богов, может быть на самом деле их «уловкой», способом направить человека к более важной цели, когда он отвлекается на суетные мирские дела. Нарисуэ указывает, что похожий случай был с другим монахом, тот молился о мирском преуспевании богам Хиёси и Инари и получил отказ. Этот сюжет изложен в «Сясэкисю:» (1–7).

Участие богов в жизни «божественной страны» в эпоху потрясений Нарисуэ поясняет рассказом 1–24.

О ком я это слышал – имя забыл. Этот человек пришел паломником в Явата [Ивасимидзу], проводил там ночь – и во сне двери священной палаты резко отворились и весьма величавый голос позвал:

– Такэноути!

И тотчас на зов кто-то отозвался, явился. [Паломник] видел его: по обличью это был пожилой седовласый мирянин. Чина по одежде было не понять. Он предстал перед богом. Усы седые, длинные, когда он сидел, свисали до полу. И снова из священной палаты послышался голос:

– В мире смута! На время стань сыном Токимасы и умири мир!

Так повелел бог, Такэноути ответил: слушаюсь! – и паломник про-
снулся.

Думается, раз так, то Ёситоки Асон и был этим новым телом [Та-
кэноути]. И сын его Ясутоки тоже не был просто человеком.

世の中に麻は跡なくなりにはけり心のままに蓬のみして

Ё-но нака-ни аса-ва атонаку нариникэри

Кокоро-но мама-ни ёмоги номи ситэ

В этом мире [прямая] конопля исчезла без следа,

Одна [спутанная] полынь разрастается как хочет.

Эту песню сложил он самый, [Ясутоки] Асон. Стыдно думать, что в ней говорится о нас!

Старец, представший перед богом Хатиманом, – Такэноути-но сукунэ, в древних летописях он появляется как воевода и мудрый советник, служивший пяти поколениям государей, в том числе отцу и матери О:дзина (отождествляемого с Хатиманом), а затем самому О:дзину. Бог повелевает своему верному сподвижнику заново воплотиться в мире людей – как если бы Такэноути, как и Хатиман, тоже был бодхисаттвой, способным выбирать себе место нового рождения ради блага живых существ. «Сын Токимасы» – это Хо:дзё: Ёситоки (1163–1224), брат жены первого камакурского сёгуна. Ёситоки, затем его сын Ясутоки (1183–1242) и их потомки руководили делами сёгунской ставки в должности *сиккэн*; в пору составления «Тё:мондзю:» именно сиккэнам, а не сёгунам, принадлежала реальная власть. Права рода Хо:дзё: на эту власть в рассказе обоснованы волей Хатимана, бога, хранящего мир в стране. Для него, в отличие от богов Камо в рассказе 1–21, смута – не причина устраниваться от людских дел, а, наоборот, причина вмешаться. Отношения древних государей с Такэноути, видимо, проецируются на отношения сёгунов и сиккэнов. Отметим, что подобный подход свойствен и древним японским памятникам, где роли знатных родов при дворе определяются ролями их предков в важнейшем обряде – выманивании богини Аматаэрасу из пещеры.

Песня Ясутоки, приведённая в рассказе, вводит важнейшее для более поздней синтоистской мысли понятие прямоты: и в книгах традиции Исэ, и во множестве других текстах «чистое прямое сердце», *киёки наоки кокоро*, будет тем главным свойством, которое нужно человеку для успешного взаимодействия с богами. Но примечательно, что в стихах о прямоте говорится не напрямую. Поэт отсылает к

знаменитому сравнению из древнекитайской книги «Сюнь-цзы» (1–5): полынь обычно вырастает кривой, но если растёт рядом со стройной коноплей, то сама собой выпрямляется; точно так же и человек в хорошем окружении делается лучше, хочет он того или нет. Сетуня на свой век, поэт указывает, что смуты страшны именно утратой прямооты (а не разорением и чем-либо ещё).

Боги и их любимцы

Завершается раздел о богах в «Тё:мондзю:» серией рассказов о том, как божества откликались на нужды людей.

Почитатель святилища Камо хочет продвинуться в чинах. В начале 1190-х гг. оставляет в святилище письменное моление и всем об этом рассказывает. «Жрецы, их родичи и прочие говорили: о нашем святилище пойдёт дурная слава! – и все, начиная с главного жреца, каждый день по сто раз стали молиться за этого человека. В итоге он получил четвёртый ранг» (1–25). Похоже, что моления в самом чтимом столичном святилище служат обходным путём к тому, чтобы сообщить начальству свои пожелания.

В 1190-е гг. монах Тё:гэн молится в святилище Исэ, когда приступает к сбору средств на восстановление разрушенного в пору смуты храма То:дайди в Нара, и получает в дар от богинь Исэ чудесные жемчужины. «Хотя и в последнем веке, тому, чья вера сильна, светлые божества откликаются снова и снова» (1–26).

Неясно, в какие годы, некий слепой в святилищах Кумано зажигает священные огни и молится об исцелении. Во сне он узнает, что в прошлом рождении был рыбой в реке Хидака (на пути в Кумано), слышал голоса паломников и поэтому родился человеком. Боги велят ему не досадовать, проснувшись, слепой кается – и в итоге прозревает (1–27). Рассказ аналогичен буддийским преданиям о том, как бодхисаттвы или другие чтимые существа открывают человеку причину каких-либо его недостатков, сообщая, что в прошлом он был животным, «завязал связь» 結縁, кэтиэн, например, с «Лotosовой сутрой», поэтому смог возродиться человеком, но до конца своей дурной кармы ещё не избыл (в «Кондзяку» есть целая серия таких историй, с 14–12 по 14–24).

Проводник паломников в Кумано (вероятно, в 1170-е гг.) слагает песню о том, что карьера его «застоялась», будто вода в заводи; боги отвечают песней, и он получает искомый монашеский чин (1–28); в «Дзиккинсё:» (10–34) этот же сюжет приводится в разделе о чудесной силе поэтического слова.

В 1210 г. чиновник во сне узнает, кем заменят скоропостижно умершего дворцового секретаря; новоназначенного никто на эту должность не прочил, хотя в его роду были замечательные учёные; он удостоился «нежданной» милости богов (1–29).

Почитатель богов Камо Фудзивара-но Сигэдзуми построил для святилища новую кладовую, молился, чтобы получить должность командира столичной Военной стражи, но никак не получал; во сне он видит, что бог Инари через посланца передаёт богам Камо, чтобы они Сигэдзуми не помогали: «Он родился у меня на коленях – и забыл меня!». Боги отвечают: хорошо, но только в этот раз, а в следующий он получит должность (1–30).

Другой почитатель Камо, Одзуки-но Ацуката (1202–1252), хочет стать придворным историографом. Во сне боги указывают ему, чтобы он обратился к наставнику по имени Сукэцугу. Ацуката узнает, что это ещё совсем молодой жрец Камо, но обращается к нему и в итоге получает должность (1–31).

Поэт Асукаи-но Масацунэ (1170–1221) живёт очень бедно, тоже чтит богов Камо и слагает песню:

世の中に数ならぬ身の友千鳥なきこそ渡れ賀茂の河原に
 Ё-но нака-ни кадзу нарану ми-но томо тидори
 Наки косо ватарэ Камо-но кавара-ни
 В этом мире бесчисленные стаи ржанок
 С криком летают через реку Камо

Песня построена так, что в ней можно прочесть и другой смысл: я, ничтожный, каким нет числа (кадзу нарану ми), влачу в этом мире жалкую жизнь (ё-о

ватару), нет у меня друга (*томо наки*). Боги велют одному из служителей святилища найти стихотворца, сочинившего эти строки. Масацунэ узнает о милости богов к нему и в итоге достигает высокого ранга (1–32)

В 1168 г. Фудзивара-но Нобутака пренебрегает празднеством святилища Ёсида, хотя он «родич божества» (氏人, *удзибито*), и вместо этого устраивает чтение «Сутры о человеколюбивых государях»; начинается пожар, его дом сгорает, а соседний – нет, потому что в том доме живёт человек, который богов Ёсида чтит (1–33). Итак, чтобы снискать милость богов, важно правильно выбирать святилище (понимать, с каким святилищем ты связан) и делать что-то любезное богам (прежде всего слагать песни).

Заключение

Хатанака Томоко в работе по рассказам о святилище Сумиёси в «*Тё:мондзю:*» различает в первом разделе памятника три типа сюжетов: чудеса, связанные с Законом Будды (с 1–3 по 1–7, 1–23, 1–26, 1–27); чудеса, связанные с «пользой и выгодой в здешнем мире» (1–8, 1–9, 1–13, 1–14, с 1–16 по 1–20, 1–25, с 1–27 по 1–29); видения, вещания и гнев богов, подтверждения власти богов в земном мире (с 1–10 по 1–12, 1–15, 1–21, 1–24) [Хатанака, 2017]. С этим можно согласиться, но мне представляется более чётким деление, не противопоставляющее (пусть и условно) буддизм и синто: боги открывают людям знания, важные для обряда и в целом для жизни в «стране богов»; боги вмешиваются в жизнь людей, гневом или милостью являют свою волю; боги откликаются на молитвы.

Нелли Науманн задействует рассказы из «*Тё:мондзю:*», разбирая три темы: вещие сны; милость/немилость богов к людям, ищущим мирских благ; освещение исторических событий в контексте рассуждений о богах. Как я попыталась показать, в сборнике Нарисуэ звучат также и мотивы, которые Науманн рассматривает на материале других сборников: боги не желают кровавых жертв; боги ценят в людях приверженность буддийскому пути. В отличие от «*Сясэкисю:*» и «*Синто:сю:*», в «*Тё:мондзю:*» рассказчик не излагает теории синто (даже в самом обобщённом виде), но судить о его взгляде на богов *ками* всё же возможно. Боги здесь – прежде всего существа пристрастные, и этим они отличаются от будд. Связь человека с божеством мыслится как родовая, но её необходимо поддерживать; единого замысла или воли у богов, по видимому, нет, от разных людей боги хотят разного. Прослеживается также связь в отношении деятельности, например, боги Камо в основном отвечают за назначения на должности (возможно, обеспечение жителей достойной службой входит в обустройство столицы, или непостоянная река Камо связывается с образом божества, подобного римской Фортуне). Сравнительно велика доля рассказов, где граница между обыденным и священным проходит по границе суши/воды (речной или морской); в этом рассказы первого раздела «*Тё:мондзю:*» отличаются от преданий о богах в «*Кондзюку*», где чаще обсуждается граница долины/горы (хотя и водная граница тоже упоминается). Тема «чистоты и прямоты», важная для синтоистских трактатов, звучит, но не в качестве главной. Жителям «страны богов» следует учитывать, что на их поступки откликаются боги, могут прийти на помощь, но могут и помешать.

Итоги изучения «*Тё:мондзю:*» как источника по истории синто подводить пока рано: следующей задачей должно стать исследование рассказов о богах *ками* из других разделов памятника.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС, тема 10.8-2025-1 «Между традицией и новацией: память культуры в контексте историко-литературных исследований».

Acknowledgement

The article was prepared as part of the RANEPa state assignment on the topic 10.8-2025-1 “Between tradition and innovation: cultural memory in the context of historical and literary research”.

Библиографический список

1. Бабкова, М.В. Основные понятия традиции поучительных рассказов сэцува (по «Собранию стародавних повестей»). Часть I / М.В. Бабкова, М.С. Коляда, Н.Н. Трубникова // Вопросы философии. – 2024. – № 2. – С. 169–181.
2. Дулина, А.М. Метаморфозы Хатиман: грозный бог войны или милосердный бодхисаттва? Становление и эволюция культа божества Хатиман в Японии в VIII–XIV вв. / А.М. Дулина. – М.: Кругъ, 2018. – 284 с.
3. Житие Ямато-химэ но микото / Л.М. Ермакова (перевод, комментарий). // Синто – путь японских богов. – В 2 т. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. II. – С. 194–210.
4. Записи и размышления Оэ-но Масафуса «Годансё» (нач. XII в.) // Япония в эпоху Хэйан (794–1185). Хрестоматия. / Грачев М.В. (введение, перевод, комментарий). – М.: РГГУ, 2009. – С. 156–215.
5. Коляда, М.С. Боги, будды, люди и храмы в «Беседах о делах старины» / М.С. Коляда. // История и культура Японии 14. – М.: ВШЭ, 2022. – С. 187–204.
6. Нихон рё:ики. Японские легенды о чудесах. Свитки 1-й, 2-й и 3-й. / Мещеряков А.Н. (предисловие, перевод, комментарий). – СПб.: Гиперион, 1995. – 256 с.
7. Норито. Сэммё / Л.М. Ермакова (исследование, перевод, комментарий). – М.: Наука, 1991. – 302 с.
8. Свиридов, Г.Г. Японская средневековая проза сэцува (структура и образ). / Г.Г. Свиридов. – М.: Наука, 1981. – 232 с.
9. «Собрание песка и камней» («Сясэкисю», конец XIII в.). Перевод со старояпонского Н.Н. Трубниковой. Трубникова Н.Н. «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Том 2. Исследование. Указатели. Приложение. / Н.Н. Трубникова (перевод, комментарий, исследование). – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с., 288 с.
10. Трубникова, Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах»: практическая философия в средневековой Японии. / Н.Н. Трубникова (исследование, перевод, комментарий). – М.: Дело, 2023. – 688 с.
11. Трубникова, Н.Н. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. / Н.Н. Трубникова, М.В. Бабкова (исследование, переводы, комментарий). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 745 с.
12. Татибана Нарисуэ. Кокон тёмондзю: [Собрание примечательных рассказов из прежних и нынешних времён] / Под ред. Нисио Коити, Кобаяси Ясухару. В 2 т. – Токио: Синтё:ся, 2019. – Т. 1. – С. 31–66 (橘成季. 古今著聞集. 西尾光一, 小林保治校注. 東京. 新潮社. 2019. – 31–66).
13. Хатанака, Томоко. Кокон тёмондзю: ни окэру Сумиёси-тайся (Мё:дзин) канрэн сэцува [Рассказы, относящиеся к великому святилищу (Светлому божеству) Сумиёси в «Собрании примечательных рассказов из прежних и нынешних времён»] / Хатанака Томоко // Мусасино дайгаку Нихон бунгаку кэнкю:дзё киё:, 2017. – Вып. 4. – С. 15–30 (畑中智子. 『古今著聞集』における住吉大社(明神)関連説話. 武蔵野大学日本文学研究所紀要. – 2024. – 4. – 15–30).
14. Dykstra Yoshiko K. Notable Tales Old and New. Tachibana Narisue's Kokon Chomonjū / Yoshiko K. Dykstra. // Monumenta Nipponica. – Vol. 47. – No. 4. – P. 469–493.
15. Naumann, N. Die Einheimische Religion Japans. Teil II: Synkretistische Lehren und Religiöse Entwicklungen von der Kamakura- bis zum Beginn der Edo-Zeit. / N. Naumann. – Leiden: Brill, 1994. – 264 p.

Текст поступил в редакцию 16.12.2024.

Принят к печати 16.01.2025.

Опубликован 26.06.2025.

¹ 日本霊異記, «Нихон рё:ики», рассказ 1–1 («Слово о том, как был пойман Гром»); см.: [Нихон рё:ики, 1995]. Здесь и дальше в номерах рассказов первая цифра – номер свитка или раздела, вторая – номер рассказа в нем.

² 今昔物語集, «Кондзюку моногатари-сю:», , далее «Кондзюку»; см.: [Бабкова, Коляда, Трубникова, 2004]. См. также: URL: <https://nntrubnikova.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1>.

³ 古事談, «Кодзидан»; см.: [Коляда, 2022].

⁴ 沙石集, «Сясэкисю:»; см.: [Собрание, 2017].

⁵ 神道集, «Синто:сю:».

⁶ 江談抄, «Го:дансё:», 1107 г.; см.: [Записи, 2009].

⁷ 十訓抄, «Дзиккинсё:», 1252 г.; см.: [Трубникова, 2023].

⁸ 倭姫命世記, «Ямато-химэ-но микото сэйки»; см.: [Житие, 2002].

⁹ См. об этом жанре: [Норито. Сэммё, 1991].

¹⁰ В «Дзиккинсё» (1–51) приводится рассказ о поведении Мороёри на другом обряде. Не преуспев по службе, он много лет живёт затворником в своей усадьбе, но вот, получает новое назначение и должен выступить распорядителем на обряде почитания Конфуция. Он держится крайне неуверенно, спрашивает других участников обряда о каждом шаге, ему язвительно замечают, что он держится как новичок, – а Мороёри в ответ цитирует «Беседы и суждения» («Лунь юй», III–15): «Вошёл в Великий храм, расспрашивает о каждой мелочи...». Повествователь «Дзиккинсё» поясняет: «Конфуций, войдя в Великий храм, когда следовал за обрядом, обо всём расспрашивал тамошних старших служителей. Видя это, люди стали его порицать: дескать, Конфуций не знает правил обряда. А он ответил: то, о чем вы говорите, и есть правила».

References

1. Babkova M.V., Kolyada M.S., Trubnikova N.N. *Voprosy Filosofii* [Questions of Philosophy]. 2024, vol. 2, pp. 169–181 (in Russian).
2. Dulina A.M. *Metamorfozy Khatiman: groznyy bog voyny ili miloserdnyy bodkhisattva? Stanovleniye i evolyutsiya kul'ta bozhestva Khatiman v Yaponii v VIII–XIV vv.* [Metamorphosis of the Hachiman Deity: The God of War or Merciful Bodhisattva? Formation and Evolution of the Hachiman Cult in Japan in the 8th–14th centuries]. Moscow: “Krug” Publ., 2018, 284 p.
3. Dykstra Yoshiko K. Notable Tales Old and New. Tachibana Narisue’s Kokon Chomonjū. *Monumenta Nipponica*. 1992, vol. 47, no. 4, pp. 469–493.
4. Ermakova L.M., Trans. *Norito. Senmyo*. Moscow: Nauka, 1991, 302 p. (in Russian).
5. Ermakova L.M., Trans. *Sinto – put' yaponskikh bogov* [Shinto – the way of the Japanese deities]. St. Petersburg: “Giperion” Publ., 2002, vol. 2, pp. 194–210 (in Russian).
6. Grachev M.V., Trans. *Yaponiya v epokhu Kheyān (794–1185). Khrestomatiya* [Japan during the Heian era (794–1185). A Reader]. Moscow: RSUH, 2009, p. 156–215 (in Russian).
7. Hatanaka Tomoko. *Musashino daigaku Nihon bungaku kenkyujo kiyo* [Stories related to the great Sanctuary (the Light Deity) Sumiyoshi in “A Collection of Remarkable Stories from Former and Present Times”]. 2017, vol. 4, pp. 15–30 (in Japanese).
8. Kolyada M.S. *Istoriya i kul'tura Yaponii 14* [History and Culture of Japan 14]. Moscow: HSE, 2022, pp. 187–204 (in Russian).
9. Meshcheryakov A.N., Trans. *Nihon ryoiki. Yaponskie legendy o chudesah* [Nihon ryoiki. Japanese Miraculous Tales]. St. Petersburg: “Giperion” Publ., 1995. 256 p. (in Russian).
10. Naumann N. *Die Einheimische Religion Japans*. Teil II. Leiden: Brill, 1994, 264 p. (in German).
11. Sviridov G.G. *Yaponskaja srednevekovaya proza setsuwa. Struktura i obraz* [Japanese Medieval Setsuwa Prose: Structure and Image]. Moscow: “Nauka” Publ., 1981, 232 p. (in Russian).
12. Tachibana Narisue. *Kokon Chomonju* [Collection of notable tales from past and present]. Nishio Koichi, Kobayashi Yasuharu, Eds. Tokyo: Shinchosha, 2019, pp. 31–66 (in Japanese).
13. Trubnikova N.N. “*Sbornik nastavleniy v desyati razdelakh*”: *prakticheskaya filosofiya v srednevekovoy Yaponii* [“Collection of Instructions in Ten Sections”: Practical Philosophy in Medieval Japan]. Moscow: “Delo” Publ., 2023, 688 p. (in Russian).
14. Trubnikova N.N., Babkova M.V. *Obnovleniye traditsiy v yaponskoy religiozno-filosofskoy mysli XII–XIV vv.* [Japanese Religious Philosophy in 13th – 14th Centuries: Renewing Traditions]. Moscow: “Politicheskaya entsiklopediya” Publ., 2014, 745 p. (in Russian).
15. Trubnikova N.N., Trans. *Sobraniye peska i kamney (Shasekishu)* [Collection of Sand and Pebbles (Shasekishu)]. St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, 656, 288 p. (in Russian).

Submitted for publication: December 16, 2024.

Accepted for publication: January 16, 2025.

Published: June 26, 2025.